

Военный юрист 1 ранга проф. М. С. СТРОГОВИЧ

Предмет криминалистики и ее соотношение с уголовным процессом

ДОКЛАД НА ЗАСЕДАНИИ КАФЕДРЫ СУДЕБНОГО ПРАВА

344467

Вопрос о предмете криминалистики, о том, что она собой представляет как наука, каковы ее взаимоотношения с уголовным процессом, где проходит граница между двумя этими отраслями познания, до сих пор продолжает оставаться спорным. Это обстоятельство крайне отрицательно отражается на научной разработке отечественной криминалистики в целом и на возможности продолжения специализированной учебной дисциплины в юридических учебных заведениях. Неясность предмета криминалистики отрицательно отражается и на плане учебности предмета. Непонятно, где провести грань между уголовным процессом и криминалистичекой наукой, что роль науки криминалистических проблем возложить в предмет криминалистики, а что на уголовный процесс, который тем самым потерял часть своего научного содержания. Криминалистика и уголовный процесс — разные науки и вступают на пути индивидуальное направление борьбы с преступностью, следовательно, исключительному осуществлению специального правосудия. Крайне важно их различие в период Великой отечественной войны, против немецкого фашизма, когда правосудием и криминалистической наукой занимались специалисты промышленности и интеллигентской деятельности различных профессий. Тем более необходимо сейчас ясность и определенность в содержании этих наук, в установлении между ними разницы, без чего между ними не может быть установления и взаимодействия.

Свои основания и задачу в форме системы законов по определенному, наиболее важному, элементу этой проблемы.

1. Криминалистика — наука относительно молодая. В ряде отечественных научных исследований она возникла в предпоследней четверти XIX в., а как самостоятельная сформировалась лишь в начале XIX в. в специальном «Руководстве для

судебных следователей» Ганса Гросса (1804 г.), хотя отдельные криминалистические вопросы разрабатывались и раньше. Молодость криминалистики как науки является одной из главных причин ее относительной неопределенности ее контуров. Неустойчивость ее границ с уголовным процессом, является причиной ее предмета. Сам Гросс, основоположник криминалистики, пытался ее представить не создание новой науки и еще «Руководство» рассматривал только как практическое пособие для судебных следователей и чинов общегосударственной полиции¹. Лишь в третьем издании книги, собранной ее продолжателем Уинклером, Гросс во введении вводит построению криминалистики как науки и еще руководителю отделе для всех криминалистами².

Криминалистика возникла в персональном развитии как «уголовная техника», как применение данных естественных и технических наук в расследовании преступлений. Два фактора сыграли главную роль в возникновении буржуазной криминалистики: 1) бурный рост преступности, особенно профессиональной, в капиталистических странах, вызвавший необходимость искать новые средства для выявления преступлений, и 2) развитие естественных и технических наук, достигшая значительных успехов в приложениях для индивидуализации и раскрытия преступлений. И хотя буржуазная криминалистика была в основном ориентирована на борьбу с преступностью, индивидуальными случаями уголовными преступлениями, она не пользовалась данными из области естественных и технических наук для расследования уголовных дел была очень ограниченной. В дальнейшем криминалистика развилась в двух направлениях

1 Гросс Г. Руководство для судебных следователей, чинов общегосударственной полиции и др. Пер. с 2-го изд. СПб., 1806.

2 Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Пер. с 4-го изд.

он впечатлительна, что некоторые выводы, сделанные, не очень сведущими в судебной и судебной области научно-уголовной техникой, требующей серьезного знания химии, физики и других естественных наук, предпочтительнее изложить описательным путем — общим, тактическим рассуждением и наблюдениями, для чего достаточно изложить факты, критическая оценка и личный вывод.

Сейчас среди научных работников в области криминалистики начала выработываться очень странная фигура специалиста только по уголовной тактике, так сказать уголовного тактика. Кто же этот уголовный тактик, каково его положение среди людей? В области естественно-научных методов исследования следов преступлений и вещественных доказательств не специалист, физиком, химиком и т. д. не занимается с их не знает. Научными вопросами уголовного процесса он также не занимается, в области науки уголовного процесса он работает, а уголовный процесс знает не больше, чем любой человек практический работник. Но он «знает» — и неважно, что это проле структуры по следствию. Конечно, очевидно и очевидно инструктором по следствию необходим не практической работы. Это лучше всего сделать, хорошо знакомы следственному работе структуры. Но почему это особая отрасль науки? Мы приходим к выводу, что то, что практикует уголовный тактик, в криминалистике признается без достаточных оснований и в действительности в ней никакого отношения не имеет. Это как будто чувствовалось интуицией, отделившись от деловой криминалистики на уголовную технику и уголовную тактику. Но она отделилась тем, что технику и тактику объединили под общей рубрикой «Общая часть криминалистики», но будущее остается уголовную технику в ее личном независимом виде и на предмет места, это дело не помешает.

9. Сразу возникает возражение против изложенной выше концепции. Однако, мы можем доказать, что на «доказательств от людей» и «доказательств от вещей», первая относится к уголовному процессу, а вторая к криминалистике. Но ведь это традиционное буржуазное воззрение, связанное с разделением по тому, что идет от лица и человека, и отпечатывается на то, что выражено в виде вещи предмета. Выясняется же на примерах Вовериха, в уголовному процессу относится все доказательства, как вот доказательства, так и от вещей. Вовериха классификация доказательств по их источнику — показания обвиняемых и свидетелей, с одной стороны, и вещественные доказательства и письменные документы, с другой стороны, вовсе не представляет

себя по себе, что вещественные доказательства есть лучше доказательства, а показания людей худшая.

В этом вопросе более обосновательно идти на поводу у буржуазных криминалистов, равно как нет возможности и искать самостоятельной позиции перевертывать эту формулу вышесказанную и утверждать обратное. А. Я. Вышинский правильно указывал на действительное процессуальное значение вещественных доказательств, этих «вещей свидетелей», умевших в определенных условиях говорить и общаться с другими людьми «говорливых свидетелей». И, наконец, в-третьих, пока еще по известным лучшим способам, научным аппаратам для исследования показаний обвиняемых и свидетелей таким же образом, как последуют вещественные доказательства. Напомним, что таких способов и не будет изобретено, и сказать для правосудия и для тех, кто имеет с ним дело. Опять Фортэ, восторженно «распространял» доказательства, попытки применить на достояние криминалистический эксперимент и прочие в этом роде должны были, конечно, отбить охоту у добросовестного исследователя блуждать по этому бездорожью, откуда никогда нельзя выйти на широтный путь правильного научного знания. А в области исследования следов, вещественных доказательств, документов есть достаточно научные методы исследования, основанные на личных физике, химии, биологии, математике и т. д. Что же такого, если специальная наука возьмет на себя исследование этих предметов? И почему тут противостоит «людям и вещам» в исследовании уголовных дел?

10. Таким образом для определения предмета и системы криминалистики решение значение имеет вопрос об уголовной тактике, к которой относятся способы производства различных следственных действий — вопросы, обмена, осмотра и т. д. Здесь нужно отметить работы В. М. Шаверы, который в своей литературе первый заявил, что нужно раз навсегда решить, что способами тактики являются следственных процессуальных действий, регулируемых уголовным процессом, значит наука уголовно-процессуальной права. Эта мысль привнесла в следствии. Шавер писал: «Кажется, когда утверждал, что уголовный процесс не может заниматься только определением правового значения процессуальных актов, но должен учить и способам их правильного осуществления. В социальную, сам Шавер не довел до конца эту свою первоначальную мысль и решил (или тактически) правую оставить и

сфере криминалистики, впрочем своему же, и привнесшему, утверждению.

Уголовный процесс не есть только форма, он не сводится к установлению формальных условий совершения следственных и процессуальных действий, в их как говорит, «формальности». Уголовный процесс устанавливает способы расследования и разрешения уголовных дел, способы обеспечения надлежащего материальной истины, изобличения и наказания преступника. Надо действительно отделить отсюда не выходящие вопросы, но фактически довольно распространены среди работников в области криминалистики мнения, что «процессуальными» будут акты, как оформительские следственные акты, а учить тому, как вести следствие как изобличать преступника — будем мы. Это совершенно контрпродуктивно предположение о «формальном» уголовном процессе, о его сути и смысле и смысле. Что такое уголовный тактика в ее нынешнем виде? Это либо действительное наличие способов производства процессуальных действий — в одной части это не криминалистика, а уголовный процесс, либо описание каких-либо наблюдений относительно того, с чем приходится встречаться при расследовании уголовных дел, различные, более или менее полезные, советы следователя, факторы очень удивительные эмпирические образования — в этой части это вообще не наука. Ведь не все, что можно написать в инструкции руководителю или ведомственной инструкции, обязательно относится к особой науке. Поэтому то, что в уголовной тактике есть действительное научное содержание, — это осмысление на научном следственной практики способов правильного производства процессуальных действий, а это есть не криминалистика, а уголовный процесс, к которому и должно перейти научное содержание уголовной тактики.

12. Переход к рассмотрению уголовной тактики на криминалистике и уголовному процессу не означает механического перемещения материала. Это будет означать и сотрудничество материала по существу. С одной стороны, уголовный процесс как наука должен более определенным, больше приближаться к практической работе следствия и суда, так как в них будут изучаться не только правовые факты совершения следственных действий, но и способы производства этих действий. Это в уголовном процессе является и сейчас, но не столько, на том основании, что вся область тактических, правовых дела в криминалистике. И другой стороны, тактика является частью следствия будет строго отграничена в рамках законных процессуальных форм, в которых она является и рядом выражается в их нынешнем, «максимальном» от уголовного процесса отграничена. Но здесь нужна по-

выявить ясность в одном вопросе. Не отграничена тактика в уголовному процессу или в том случае не должна выделяться тактика уголовного процесса. Т. е. растворение процессуальных (правовых) норм в тактических (тактико-следственных) приемах, «индивидуальности», как и все тактическое «индивидуальности», т. е. в меру их индивидуальности по объективности каждого конкретного случая, дела, Руководителем и исполнителем будет следственная тактика, т. е. требования процессуального закона, установленные законом процессуальные формы, которые и определяют все тактические приемы следствия, необходимые для правильного, правильного осуществления уголовного процесса на практике. Ведь процессуальное право, как и всякое право, мы понимаем не как сумму абстрактных, догматических, оторванных от жизни положений, мы не считаем его только как форму. Процессуальное право, как и все другие отрасли советского права, выражает волю господствующего класса, регулирует определенную область общественных отношений и определяется в конкретном смысле господствующими и объективно экономическими отношениями.

Может возникнуть сомнение — не утрачивает ли такое изменение в системе криминалистики применение тактико-следственных методов, как научная сторона совершенной преступлений и обобщения следственного опыта. Ничего подобного. Способы извлечения преступлений нельзя научить «интуицией», можно научить способом совершенных следственных действий преступлений. Это научение относится не к области уголовной тактики, а к частным методам, с которыми речь пойдет дальше. Что же касается обобщения следственного опыта, то это, равно как и обобщение следственного опыта, во всех научных областях и для науки уголовного процесса.

13. Если мы рассмотрим все вышесказанное, особенно сейчас в уголовной тактике, то получим следующие общие вопросы планирования исследования, типологизацию данных, определение предмета исследования, определение отношения к уголовному процессу, который занимается не только отношениями следственных действий, но изучает и их историю, последовательность, связь и развитие процессуальных отношений. Методы обобщения и систематизации — это также сфера только уголовного процесса, и криминалистика здесь должна начать. Может возникнуть лишь сомнение относительно исключительности деятельности следствия, поскольку в этой области производится разработка и применение данных общей криминалистки к нуждам следствия и суда. Но криминалистика следственных показаний

1. Актуз А. Я. Вышинский, Тетрадь судебных доказательств в советском праве, стр. 166, 2 и 3 и др. Уд. сов. стр. 10.

но-процессуальное право не сводится только к УПК, не покрывается им, оно шире кодекса. Если правильно понимать процесс, то тактические приемы следствия, опирающиеся на действующие нормы процесса, целиком войдут в содержание процесса. Ведь нельзя же изучать уголовный процесс только формально-догматически и сводить науку уголовного процесса к комментированию действующих процессуальных норм.

Указание гг. Никифорова и Винберга на то, что предлагаемая мной реформа криминалистики обеднит криминалистику, превратит ее в узкую технику, несостоятельно. Специалисты в области уголовной техники будут продолжать свое дело. Что же касается специалистов в области уголовной тактики, то их работа не уменьшится, а увеличится, сфера их научной деятельности не сузится, а расширится, так как к своей прежней области они получают еще и уголовный процесс. Они будут заниматься вопросами тактики ведения следствия, но уже в новых, более широких, пределах уголовного процесса, на базе процессуальной науки. Естественно, им придется основательно заняться наукой уголовного процесса, от которой они были до сих пор достаточно далеки. Уголовный процесс — обширная область научного знания, и в своих пределах она допускает известную специализацию применительно к опыту и научным интересам каждого процессуалиста. Один более углубленно занимается вопросами судебной деятельности, другой более ориентирован в вопросах следствия. Для одного главный научный интерес сосредоточен на вопросах состязательности процесса, на участии сторон, другой по преимуществу занимается разработкой следственных действий — осмотром, допросом. Это вполне закономерно. Но общей базой, общей сферой всех процессуалистов всегда останется весь процесс в целом, вся процессуальная наука, если они хотят быть действительными учеными. «Тактики» станут процессуалистами. Можно ли против этого возражать?

Гг. Никифоров и Винберг настойчиво ссылались на высказывания академика Вышинского и несколько раз цитировали его чтобы показать, что тот путь развития криминалистики, который предложен в моем докладе, в корне отличен от положений, развитых т. Вышинским. Но это неверно. Оба оппонента приводили цитату из книги Вышинского о доказательствах, именно слова о том, что развитие криминалистики возможно только в направлении овладения нашими криминалистами

ми «технической (в широком смысле этого слова) наукой, с одной стороны, и наукой судебного права — с другой»¹. Но они вырвали, и очень искусственно, эту цитату из контекста и упустили одно простое обстоятельство: приведенные слова т. Вышинского, как и все, что сказано им в этой книге о криминалистике, помещены в абзаце с заголовком «Вещественные доказательства»² и речь идет именно об исследовании вещественных доказательств, а не о допросах, обысках и др. По этому поводу у т. Вышинского в этой же книге написаны слова, которых гг. Никифоров и Винберг не цитировали, но их процитирую я: «Значение вещественных доказательств как особого вида доказательств возросло особенно со времени возникновения и развития особой отрасли науки судебного права — уголовной техники, или криминалистики, опирающейся в своем современном виде на новейшие достижения химии, физики, электротехники и других отраслей науки. Фотография, рентген, спектральный анализ, графическая экспертиза, дактилоскопия — все эти научные средства поставлены в настоящее время на службу криминалистике, развившейся в серьезнейшую силу по борьбе с преступлениями. В этом отношении заслуживают внимания такие разделы криминалистики, как судебная фотография и фотохимия, обеспечившие за последние годы значительные успехи в развитии дактилоскопии, трассологии и пр.»³.

Какое же ясно, что академик А. Я. Вышинский рассматривает криминалистику именно как уголовную технику, опирающуюся на достижения естественных и технических наук. Следовательно, я не только не расхожусь с академиком Вышинским, но развиваю именно им выдвинутые положения и делаю из них выводы, в то время как мои оппоненты (Винберг, Никифоров) решительно расходятся с Вышинским, хотя все время настойчиво, но без всяких оснований ссылаются на него.

Вывод из всего обсуждения. Для нас в данном вопросе решающее — это интересы нашей науки, это интересы дела, которому наука служит. А интересы дела только выигрывают, если границы каждой отрасли научного знания будут точно определены, если каждый ученый будет действительным специалистом своей области, если наука будет двигаться вперед. Поэтому я и отстаиваю выдвинутые мной положения.

¹ Вышинский, Теория судебных доказательств в советском праве, стр. 198.

² Там же, стр. 194.

³ Там же, стр. 195.